

The background is a dark blue gradient with a starry texture. On the left side, there are several overlapping circular elements. A prominent one is a large circle with a scale around its perimeter, ranging from 140 to 260 in increments of 10. Other circles are smaller and some have dashed lines or arrows, suggesting a technical or scientific theme.

КРАТКО О НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ДА.

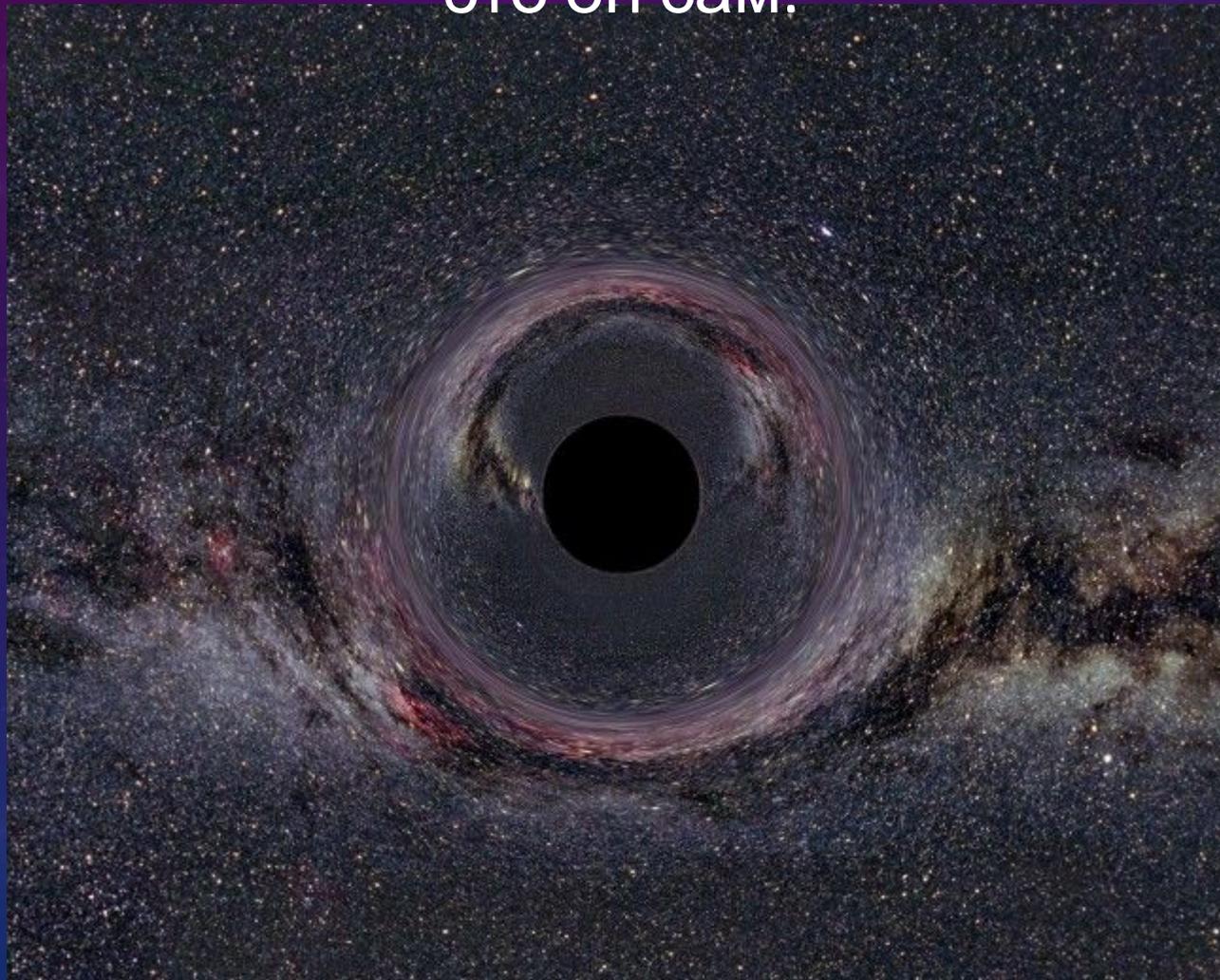
Представим, что мы –
телевизор.

Просто картинка на телевизоре, она – наше сознание.

Экран данного телевизора направлен
только в себя, и то, что видит телевизор –
это он сам.

То, что находится снаружи, ему неизвестно. Он же телевизор.

Оно, внешнее, может быть, его может не быть.
На самом деле телевизор не должен беспокоиться такими проблемами.

Как и телевизор, мы просто некий поток информации.

Наше восприятие попросту ограничено субъективными объектами нашего восприятия.

Человеческое сознание просто получает откуда-то
информацию.

Оно не скажет, откуда, и оно не может говорить о

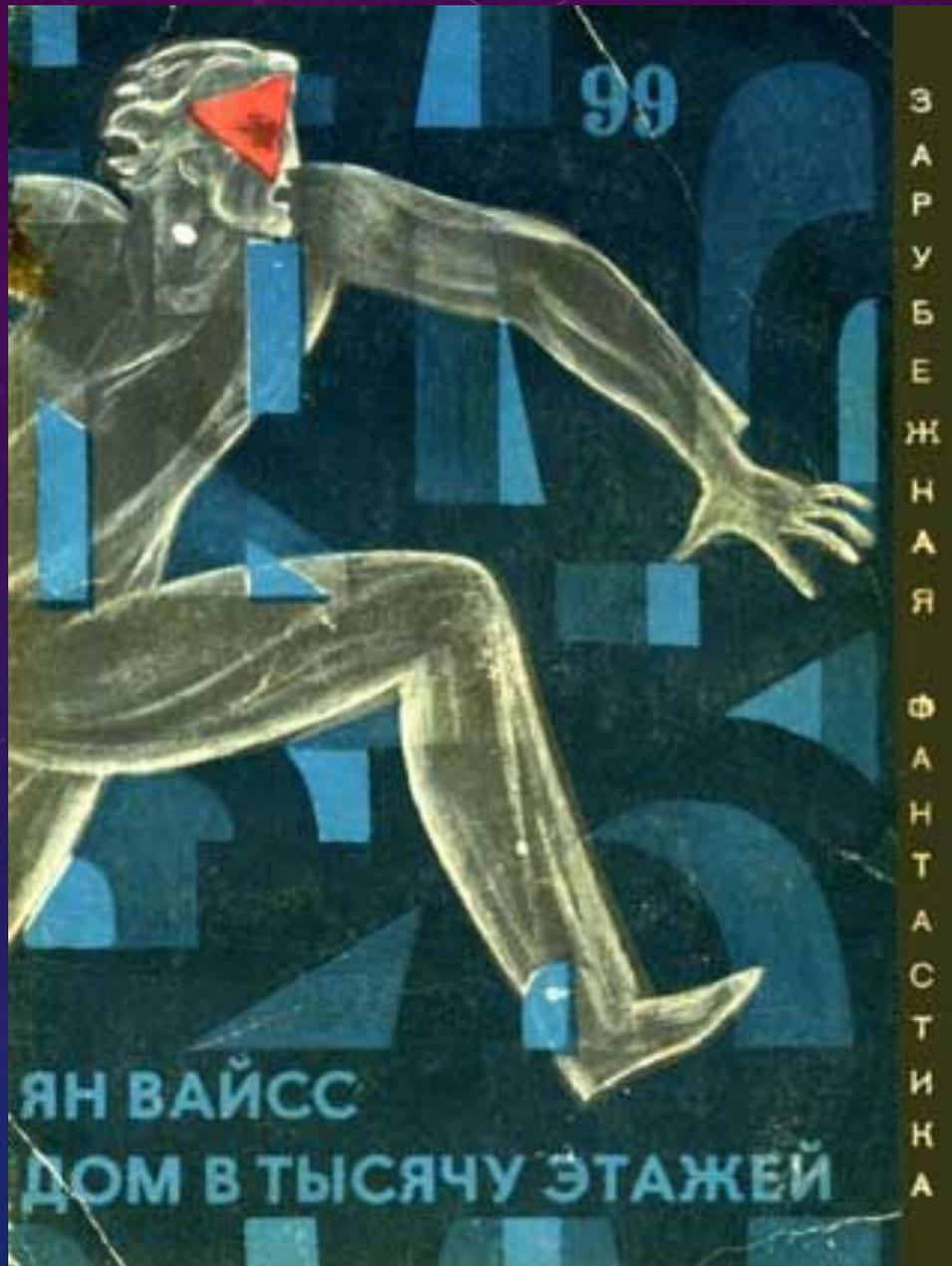

Это может быть
СНОМ.

Наркотической
галлюцинацией.

Последствиями
тяжёлой
болезни.

Или даже
такой.

Иллюзорностью вообще всего, кроме там, не знаю,
какого-нибудь Брахмы

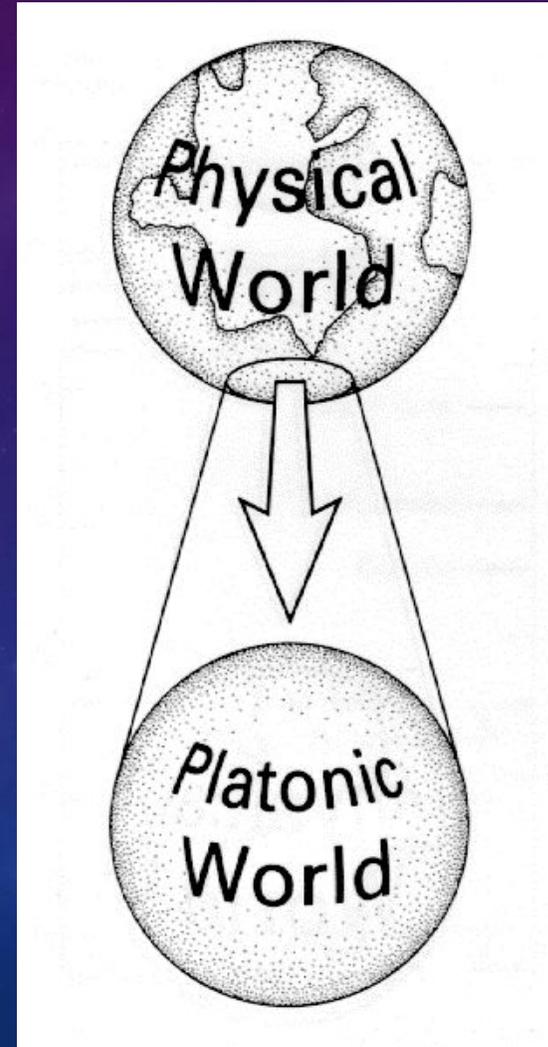
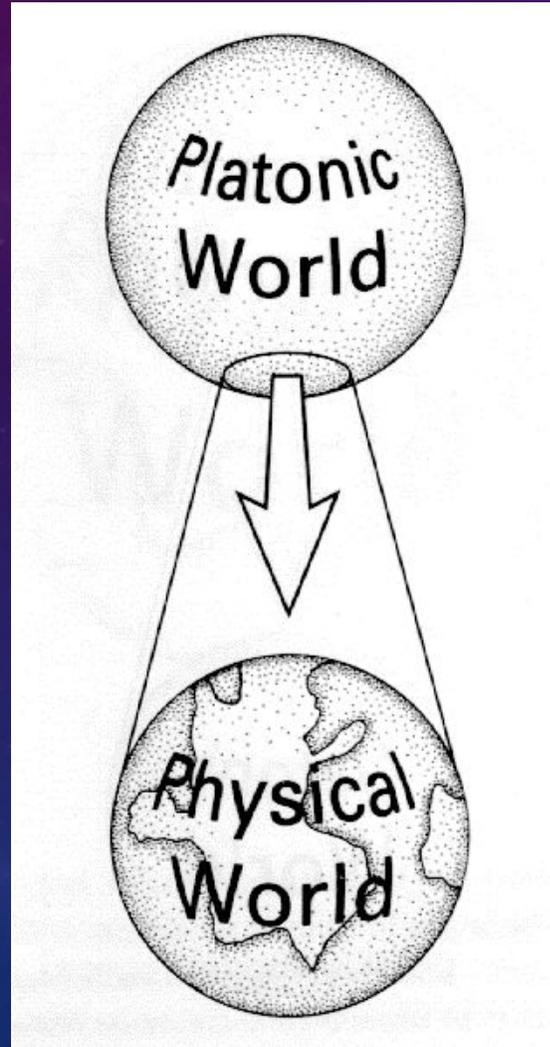
Или даже банальной эксплуататорской матрицей.

По большей части мы как личности не
ответственны за то, что и как мы видим и
ощущаем.

И дело не в какой-то первичности идеи над материей, или наоборот.

Просто есть мы, а есть
неизвестность.

Просто судить о чём-то, не обладая по факту никакими данными об этом, да и вообще никогда эти данные не приобретаешь принципиально – простите, это как-то непонятно

Наука базируется на принципе
независимо повторяемого опыта и
анализа этого опыта.
Наука эмпирична. Не умозрительна.

Ведь всё знание базируется на нашем опыте, а то, что создаёт разум – в конечном счёте просто абстракция, интерпретация и композиция, взятая с этого опыта. Наука как дисциплина, изучающая внеязыковую действительность, должна основываться на опыте – и возможности его проверки, конечно же.

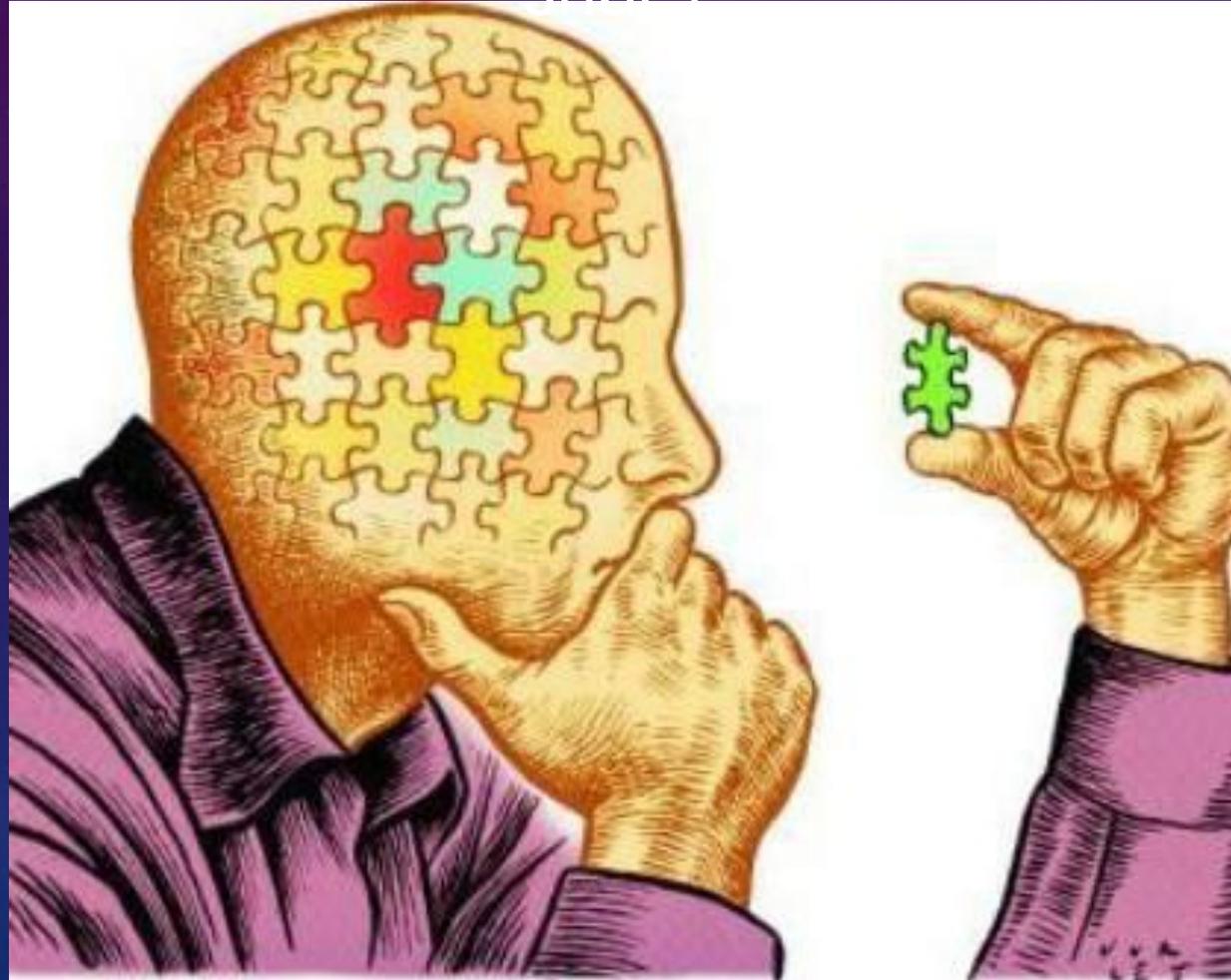
Начал об этом говорить Дунс Скот и позднее – Джон Локк, а развили философы периода позитивизма и постпозитивизма.

Да и наполнение познания лишними
сущностями этого познания – логически
невыгодно.

Лишней сущностью тут будет не сам внешний мир, так как это не объект самого познания, а суждение о нём — что он из себя представляет. Может, даже ничего. Кто знает

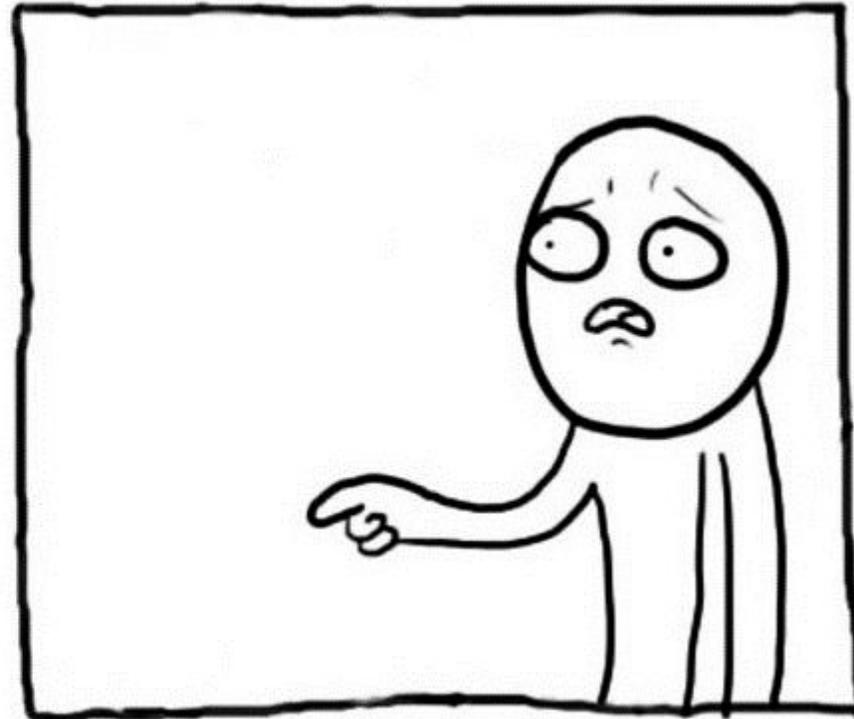
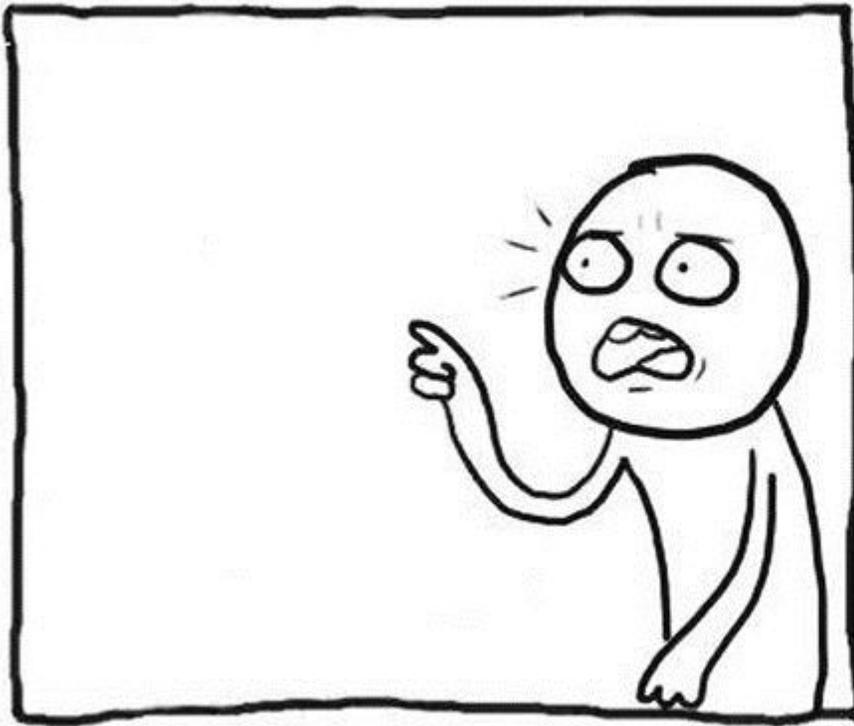
Поэтому Уильям Оккам и Дунс Скот передают телевизору привет.

А также Беркли и Юм: это они разработали идею о невозможности доказать внешний мир – он как воспринимаемое.

Стойте-стойте, а как же сама
наука?
Она же изучает как раз это!

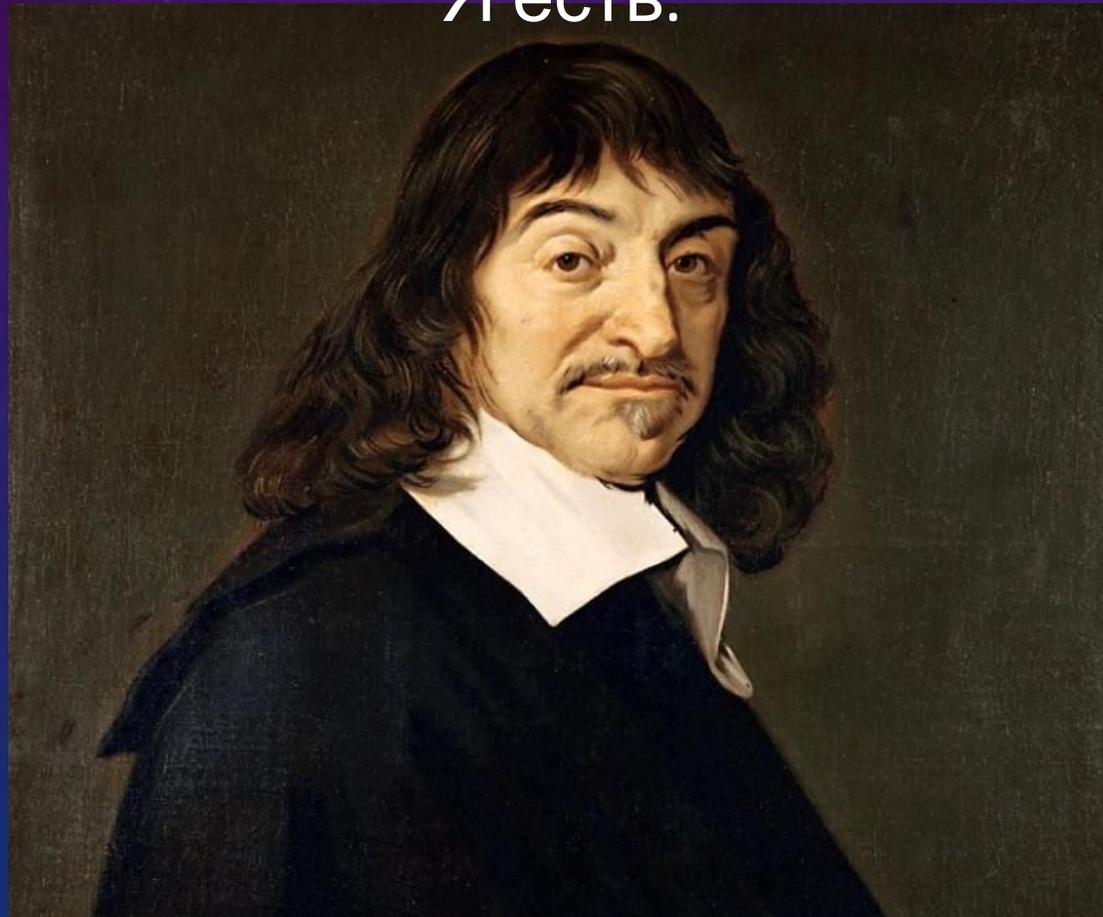
Наука изучает видимое нам пространство, она не строит догадок о великих сущностях бытия, и действительность мира постулируется - это попросту удобно. Это просто условность.

Более того, Юм также указал на невозможность доказать даже собственное существование.

Об этом задумывался ещё Декарт. И он пришёл к выводу, что не может доверять ни своим ощущениям, ни витающим в воздухе идеям, ничему – только своему сомнению и, следовательно, мышлению. А мышление идёт от Меня. Значит, Я есть.

Но подверглась сомнению и связка «мышление → существование». Можно мыслить, но реально не существовать. Только виртуально, то есть, несубстанционально, где при этом наша самость не сводится к возможной внешней субстанции, как и не сводится программа к горящим пикселям на мониторе и модулированным электросигналам в проводке и процессоре.

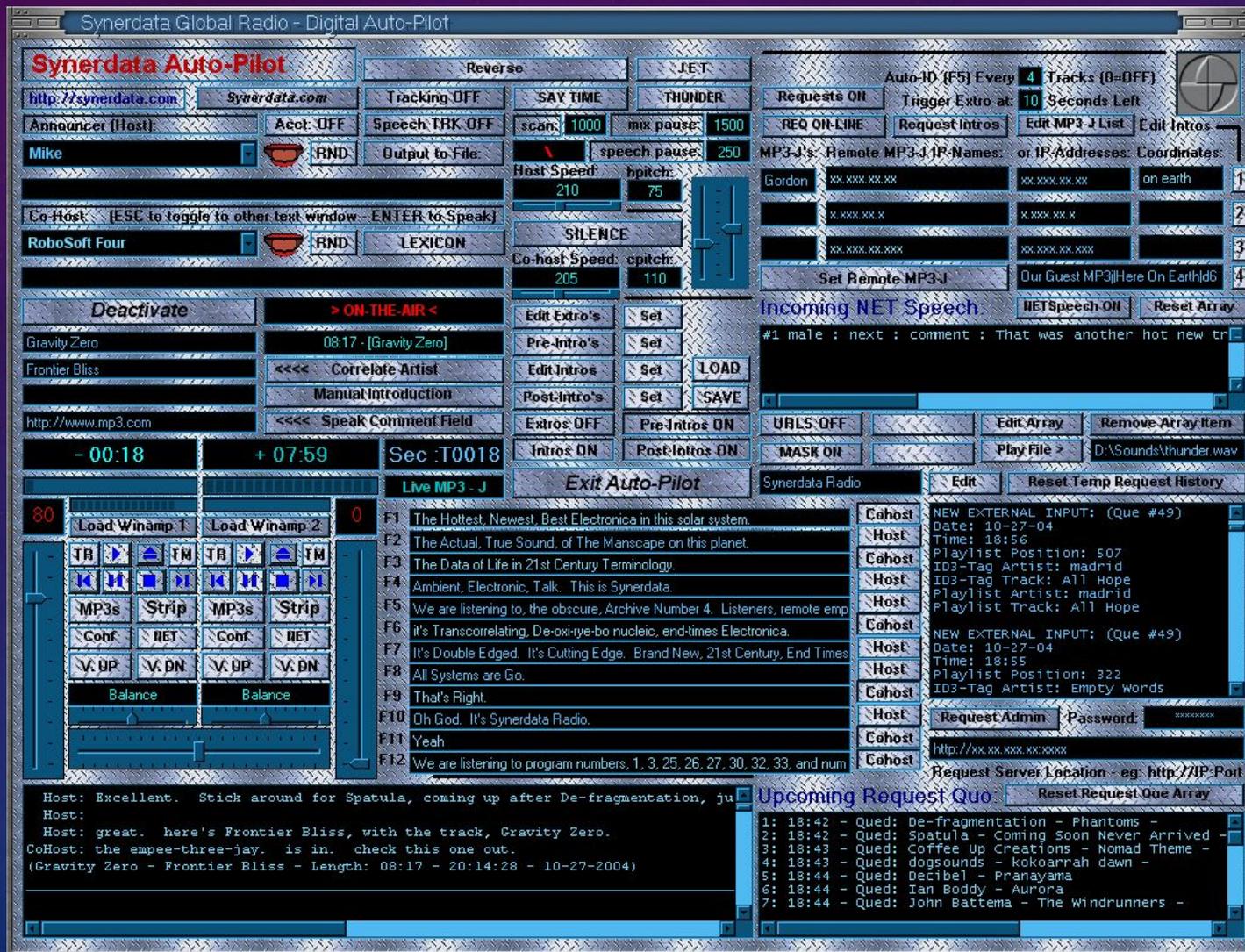
В принципе, можно говорить об объективной реальности функциональной организации этих пикселей и сигналов, и программа станет к ним «ближе», но восприятие их как единого целого и именно как его, а не как субстанция и даже организация, за этим стоящие – залог как раз-таки виртуального пространства. Всё-таки, работая с программой, мы обычно абстрагируемся от такого низкого уровня как архитектура операционной системы, микроархитектура, электронная схема и тем более физико-химических свойств кремния, и такую абстракцию называем виртуальной средой

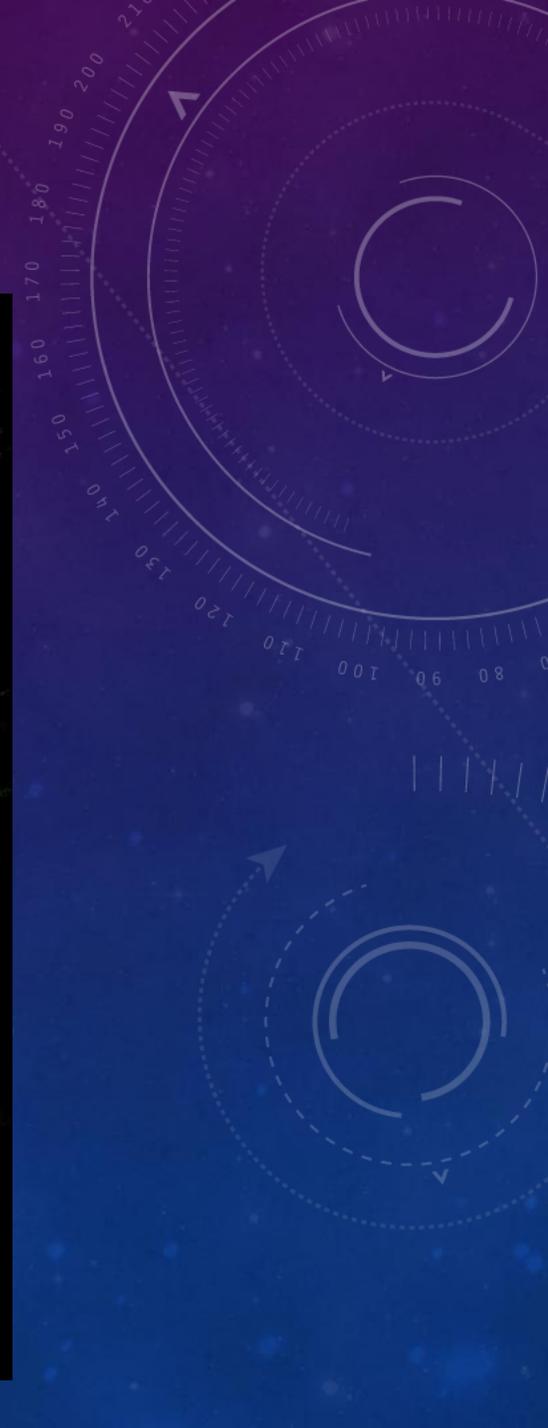
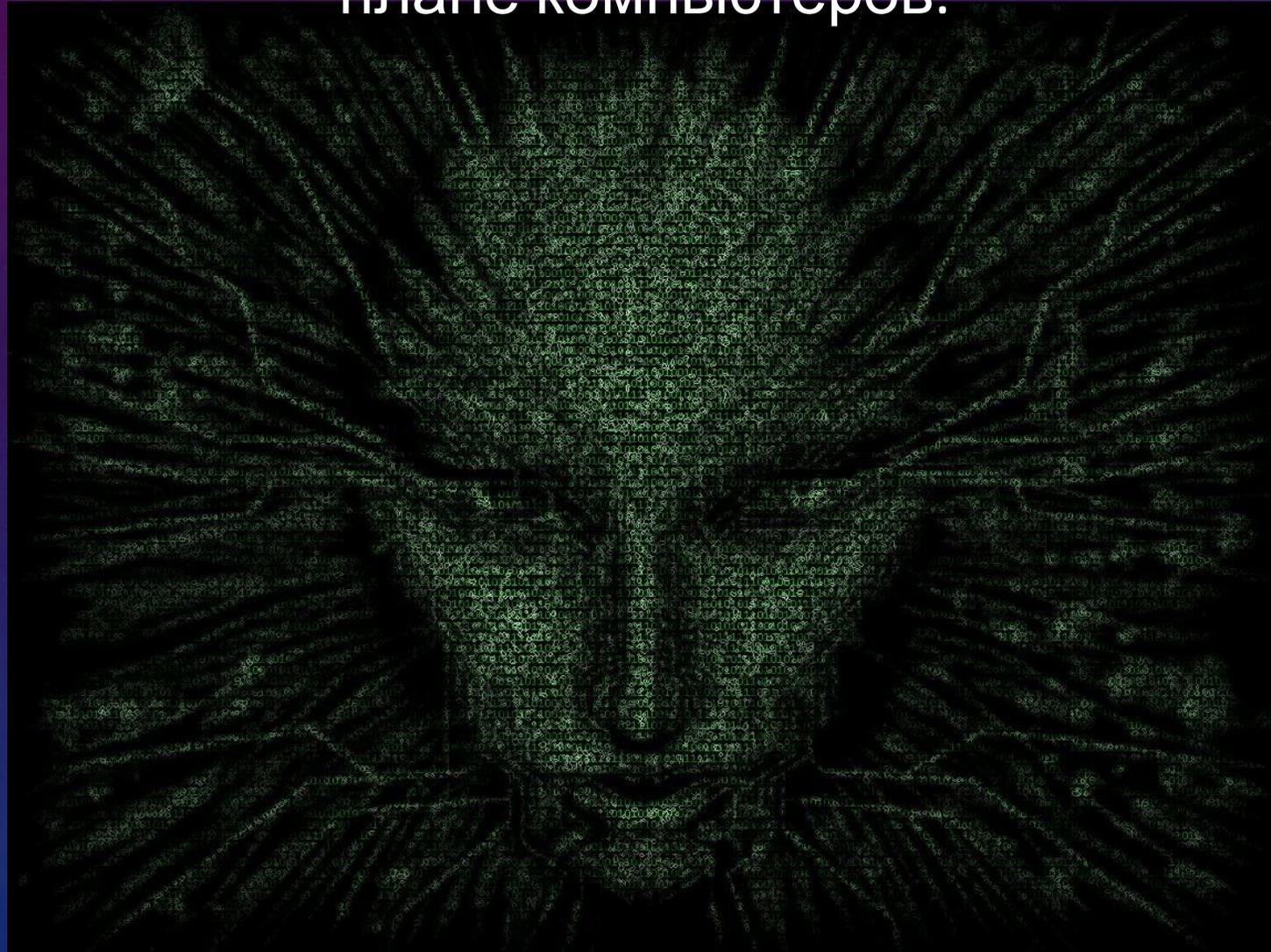
И восприятие некоторых вещей к этим
вещам не сводится уже точно.

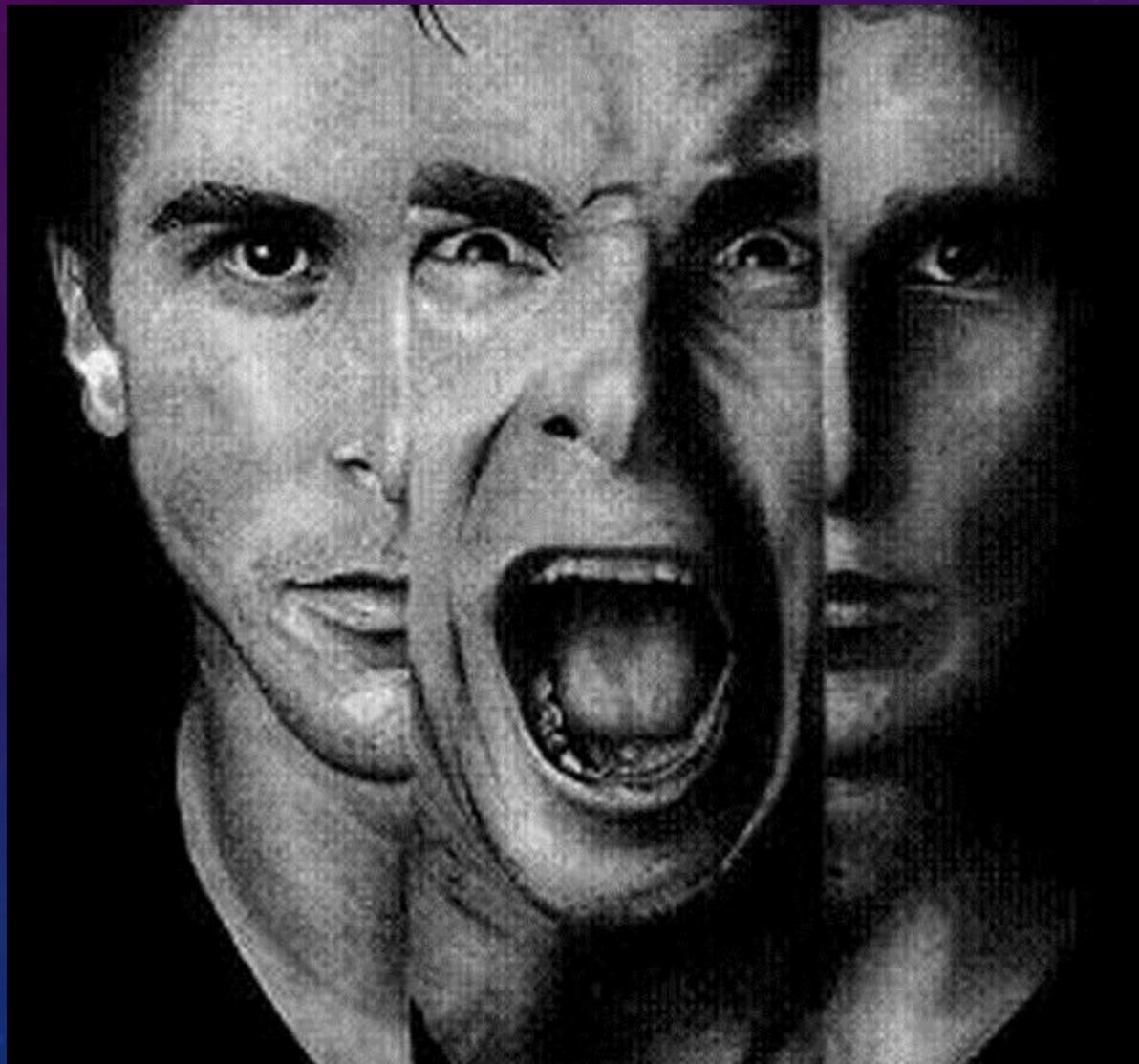
А восприятие, как мы уже удостоверились, может вести на иллюзию. Например, на иллюзию того, что комплекс некоторых разных по смыслу и действию приложений, файлов, библиотек, пакетов и утилит или даже побочное действие некоего другого софта – это некоторая единая и целостная программа.

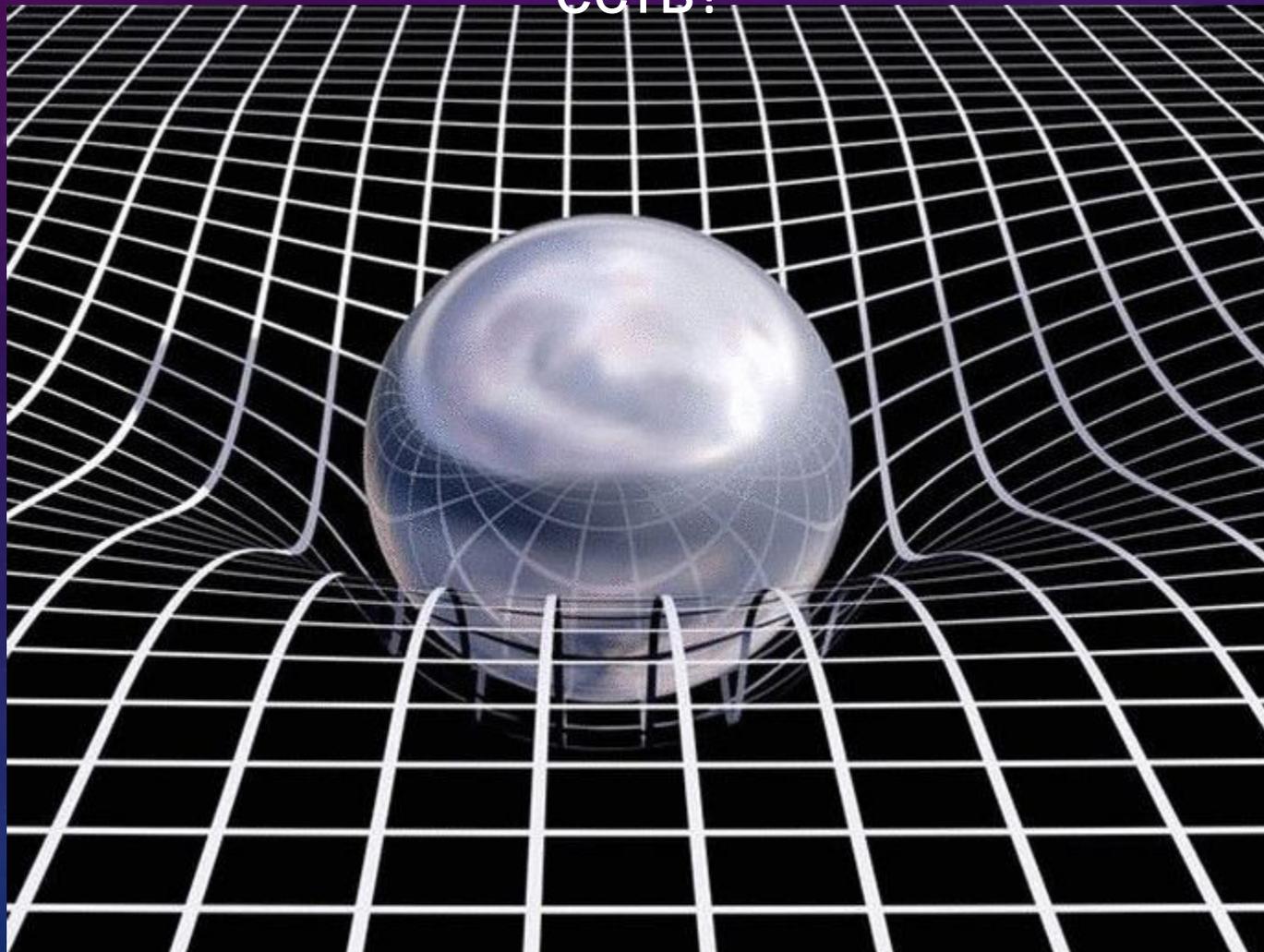
И вот мы тоже можем быть такой программой. И конечно же, не только в плане компьютеров.

Но это ладно. О веществах, тифозных снах и
тотальном сумасшествии мы уже говорили.

Вот мы – поток мышления и
сознания, а центр у этого сознания
есть?

На самом деле нам и это неизвестно. Всё, что доступно нашему разуму через опыт – само наше восприятие. И только оно. Но не то, что это восприятие порождает, питает и поглощает.

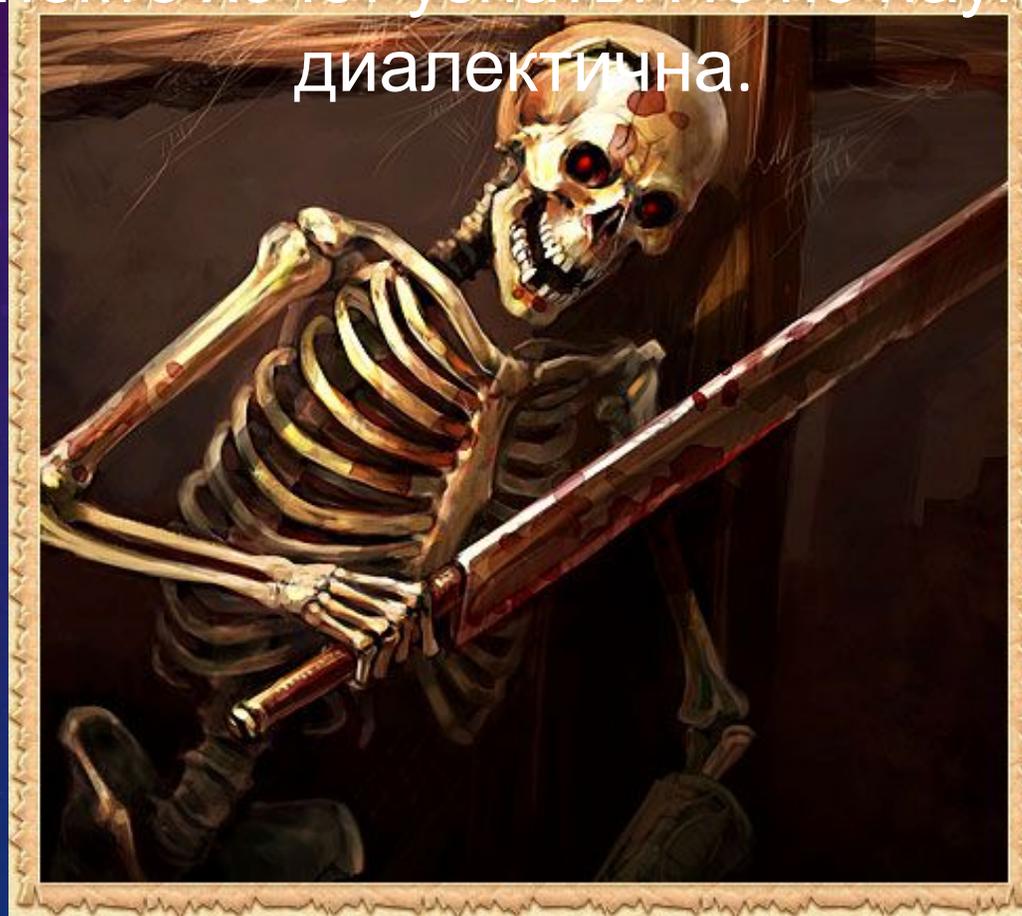
Значит,
вырезаем!

В общем, довольно мало у нас с виду остаётся, но так и
нужно.

Это метафизика оперирует некими неизменностями и
постоянностями, первоначалами и первопричинами,
которые некто хочет узнать. Но не наука, наука –

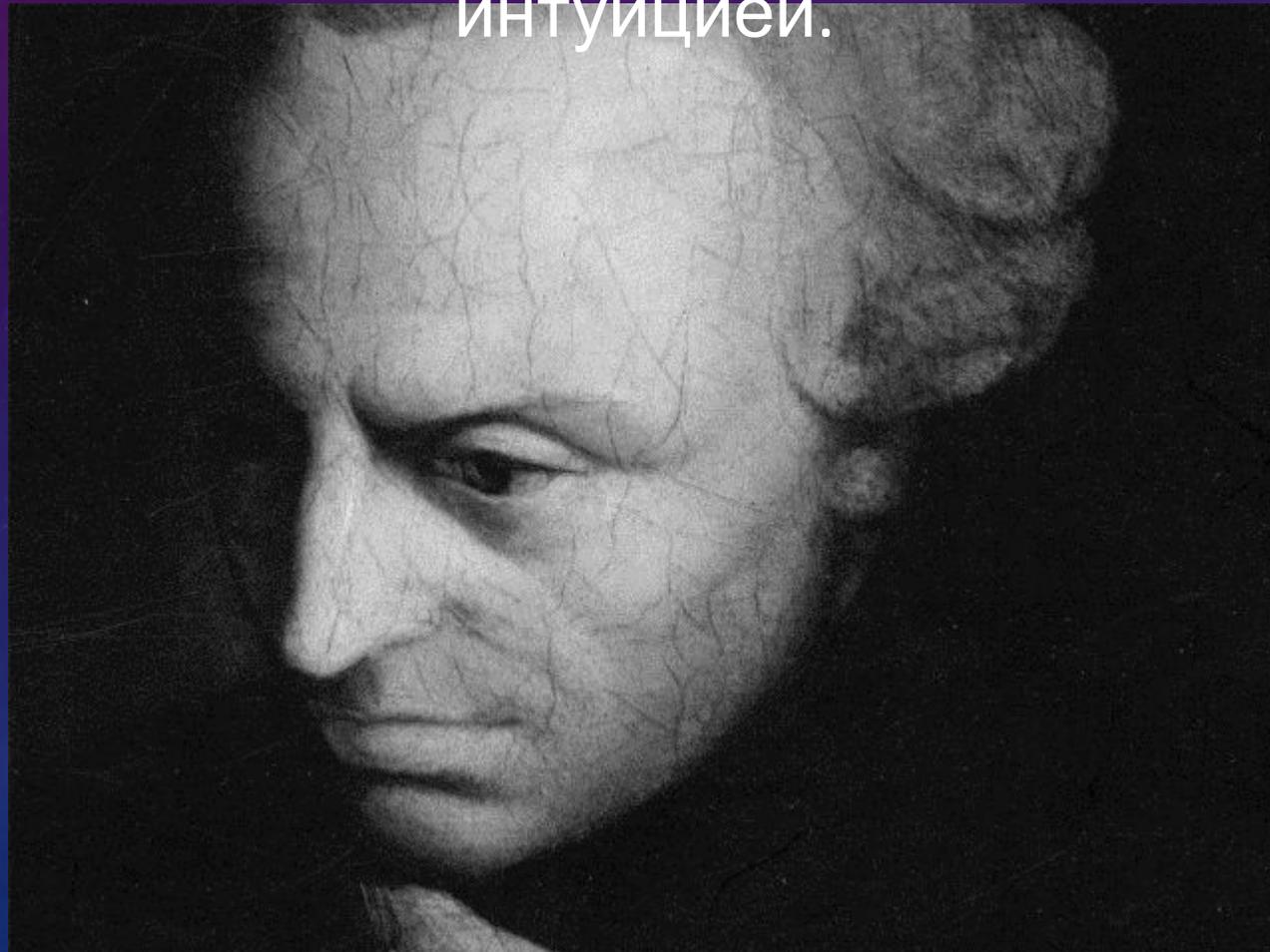
диалектична.

О диалектичности науки будет чуть позже, а сейчас продолжаем о близких к телу парадигмах.

После критики Юма бытие «Я» и стремление человека к нему и к остальным подобным вещам (естественная установка) всё же объяснил Кант: это оказалось просто аподиктической очевидностью для людей, связанной с их природной интуицией.

Для человека было просто необходимо в его природной иррациональности ощущать себя, мир и всё прочее. Хотя многое из этого он мало того, чтобы доказать в нахождении – описать не может.

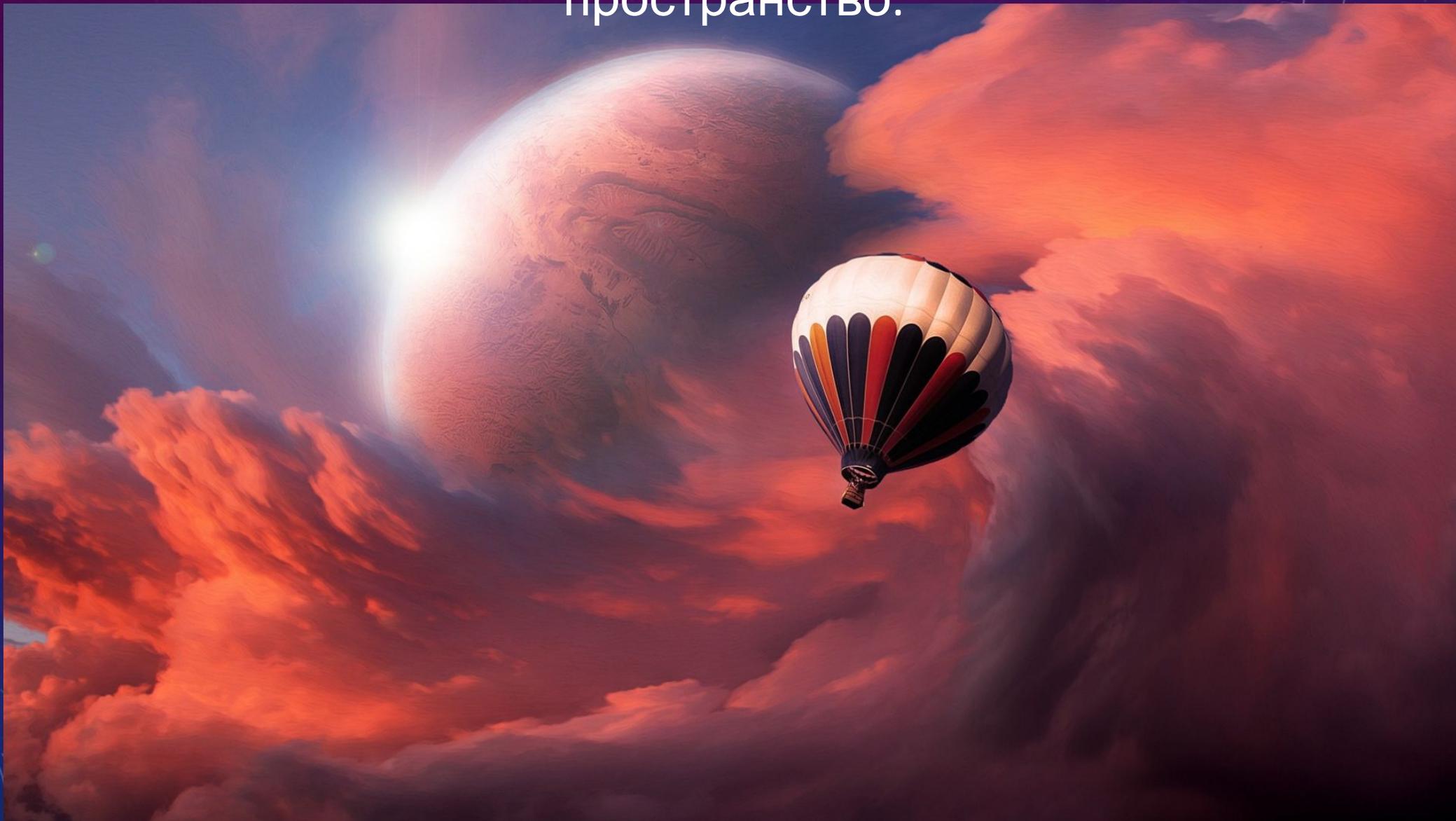

Что это? Это «Я», мы уже знаем. А ещё это, например,
время.

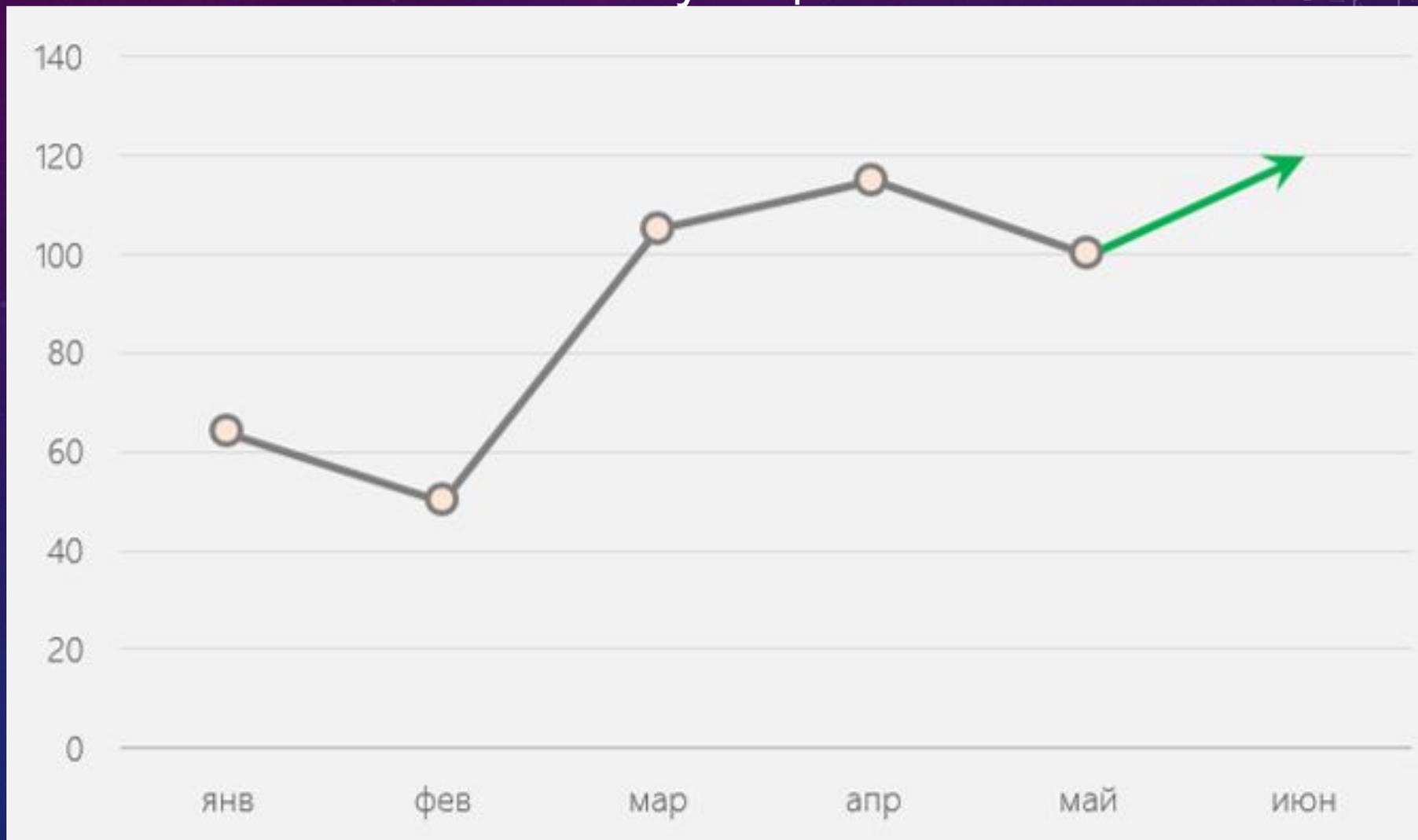
Наука не знает, что такое время.

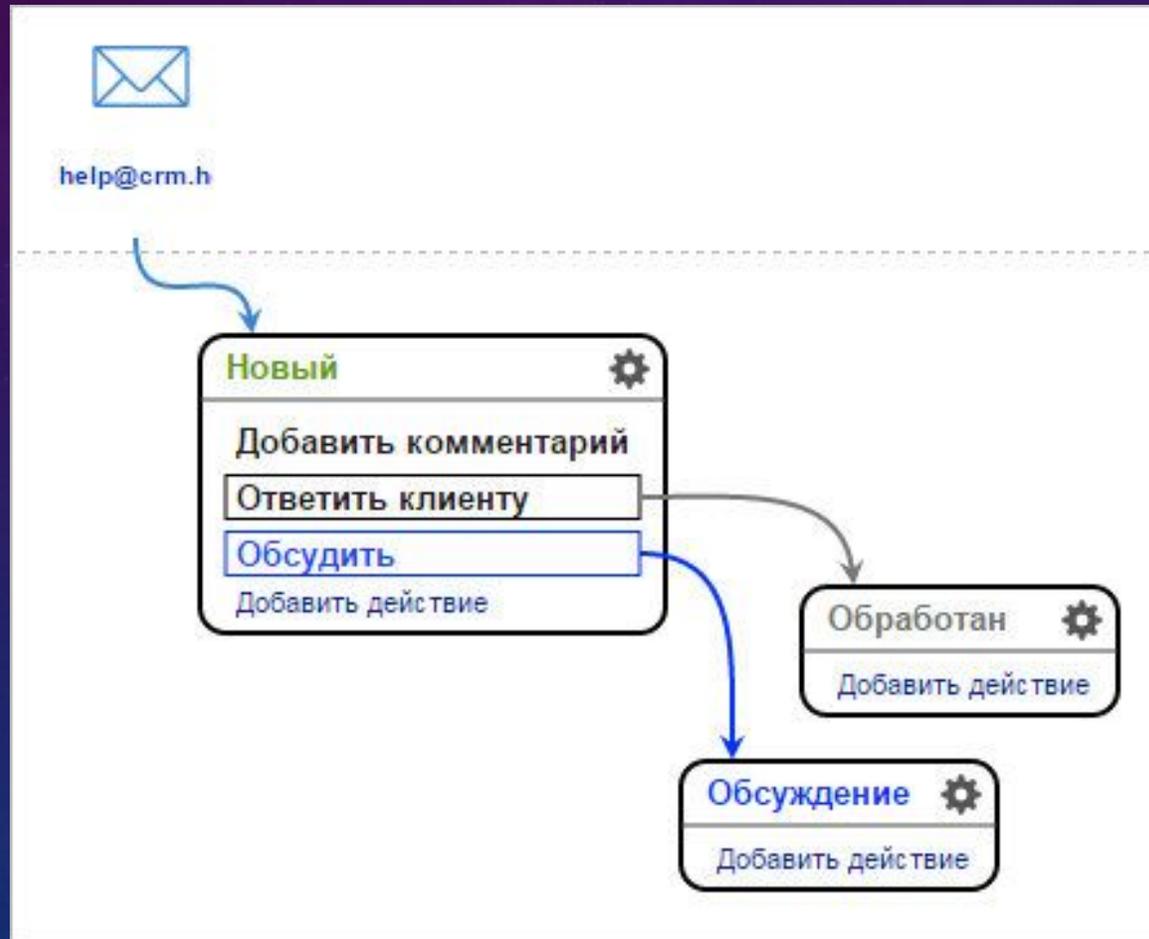
И
пространство.

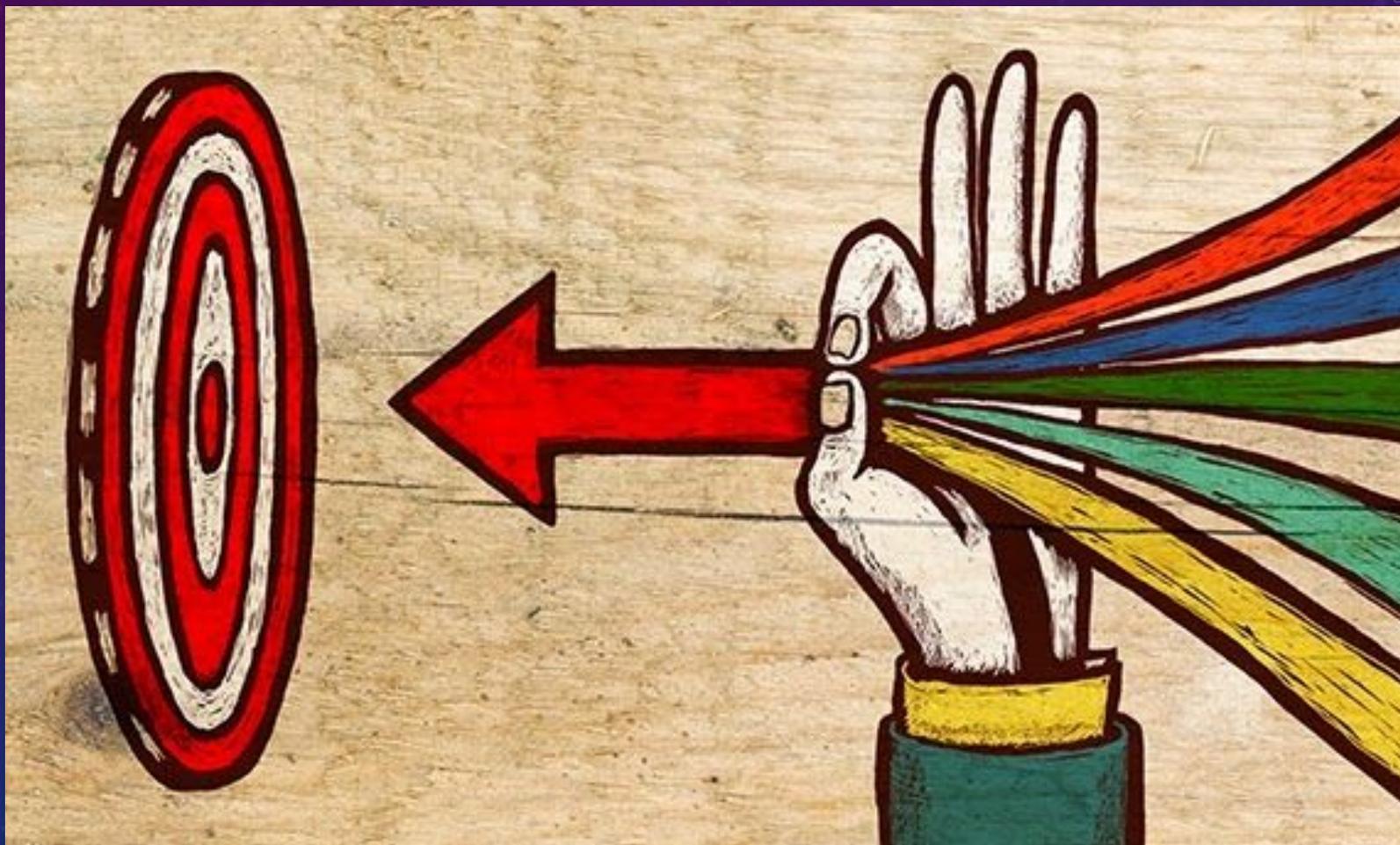
Рост и спад. Да, объясните, что это такое, без спекуляций.

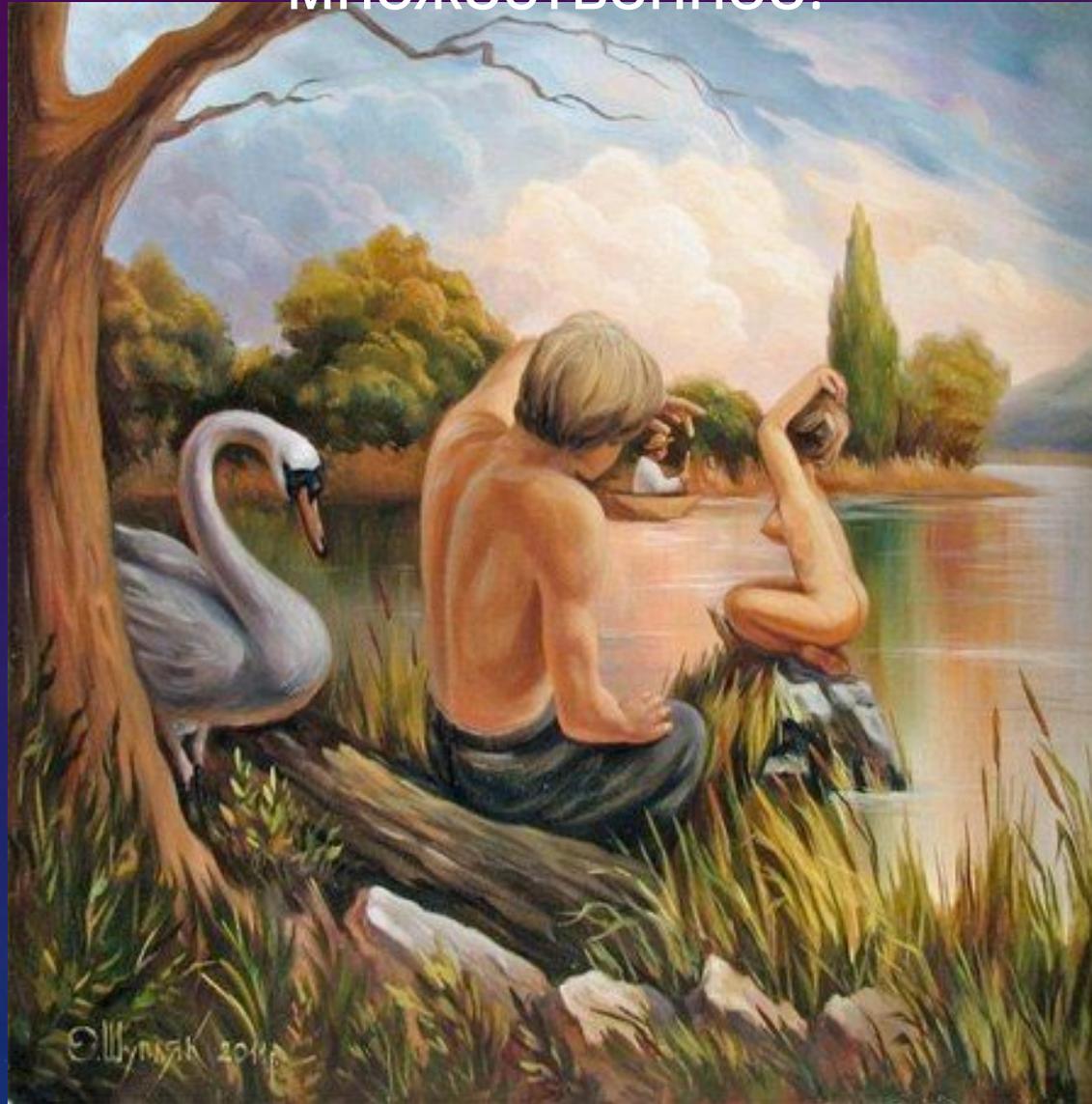
Состояние и действие.

Сущность, да и сущее
тоже.

Единое и множественное.

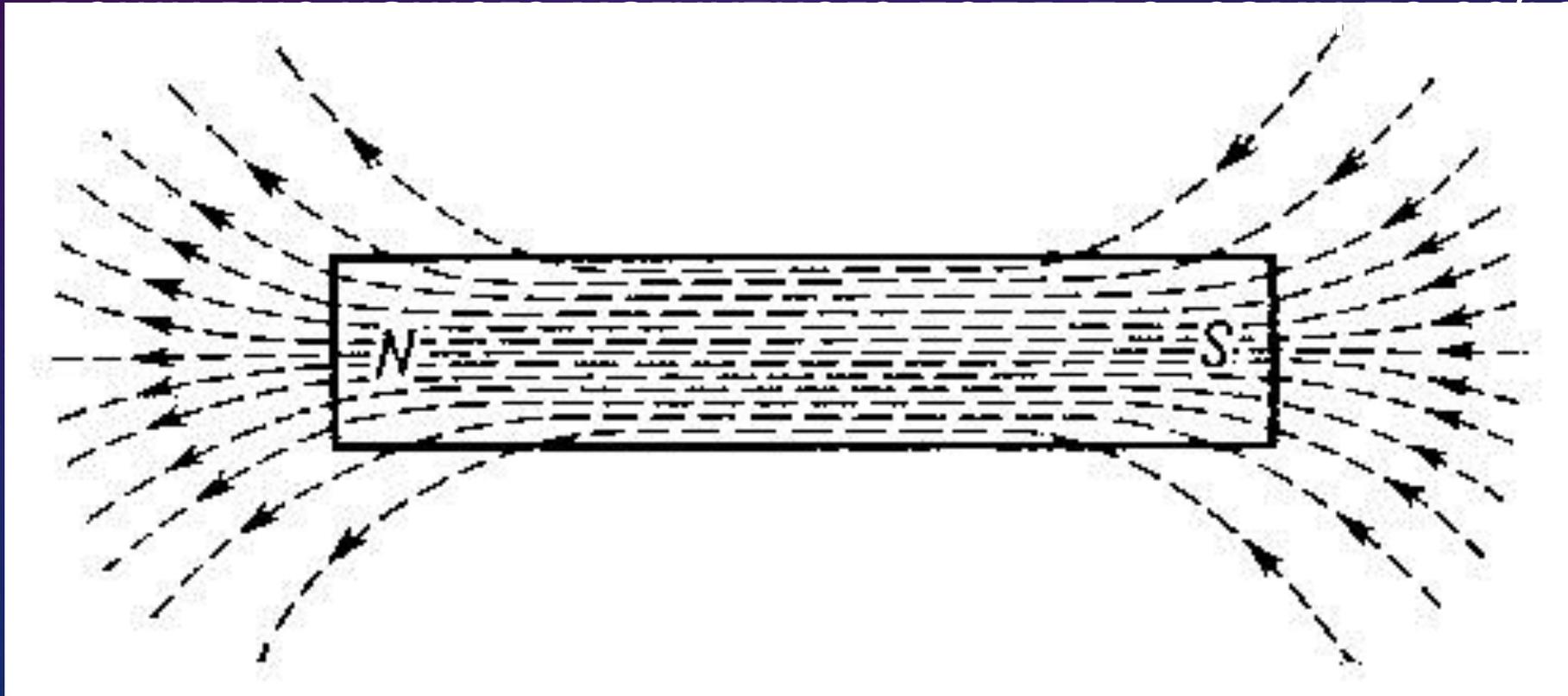
И вообще, кучи всего, на чём базируется наше ощущение мира. То есть, как раз-таки не само наше восприятие, непосредственно нам доступное, а то, что формирует характер нашего восприятия.

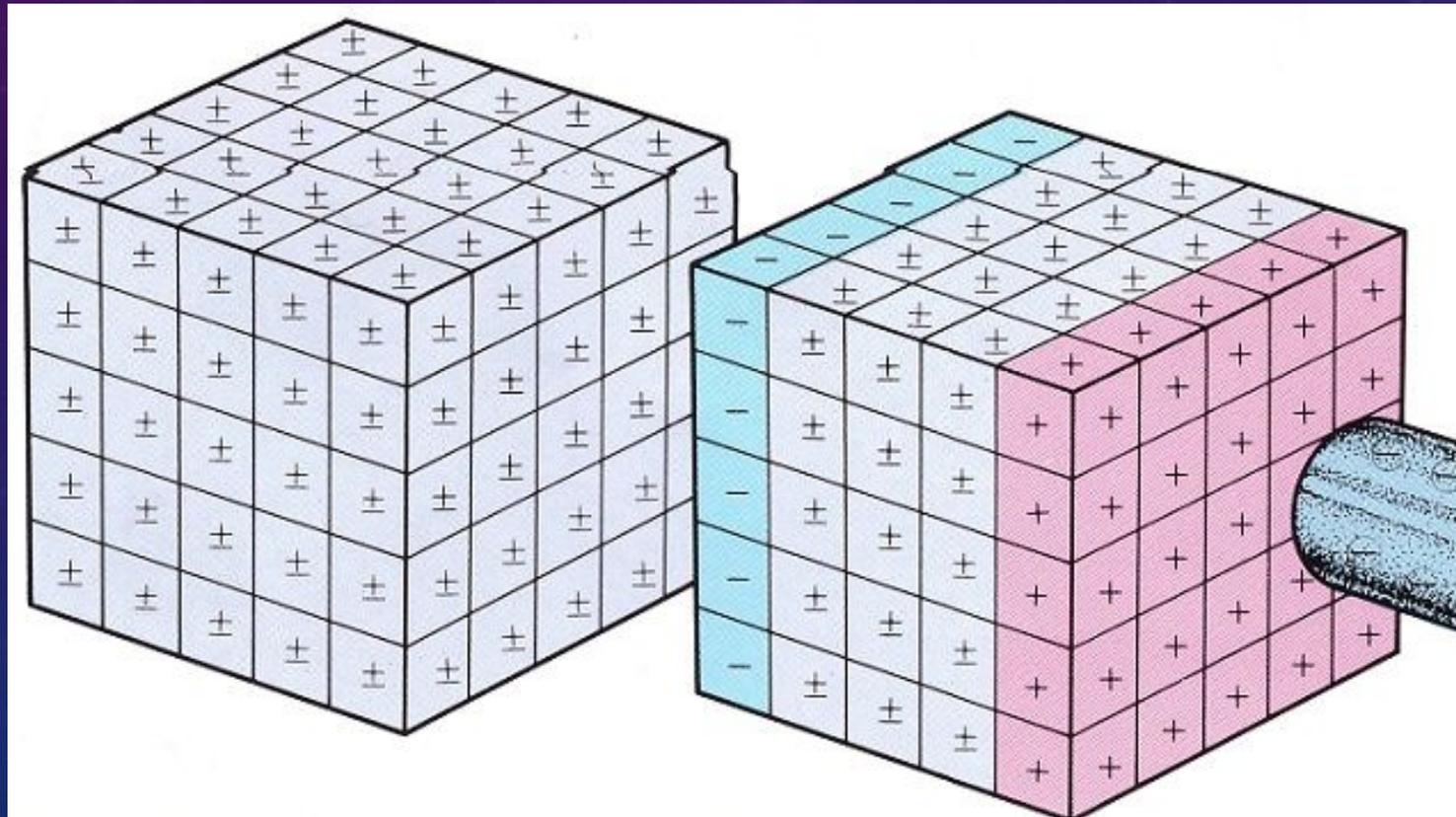
Когда как одно нам даётся в наглядном опыте,
другое мы только додумываем, но есть ещё
третье, и это третье опыту нашему, в принципе,
доступно всегда, но лишь в качестве опыта
осознания чего-либо, что не выходит
сформулировать.

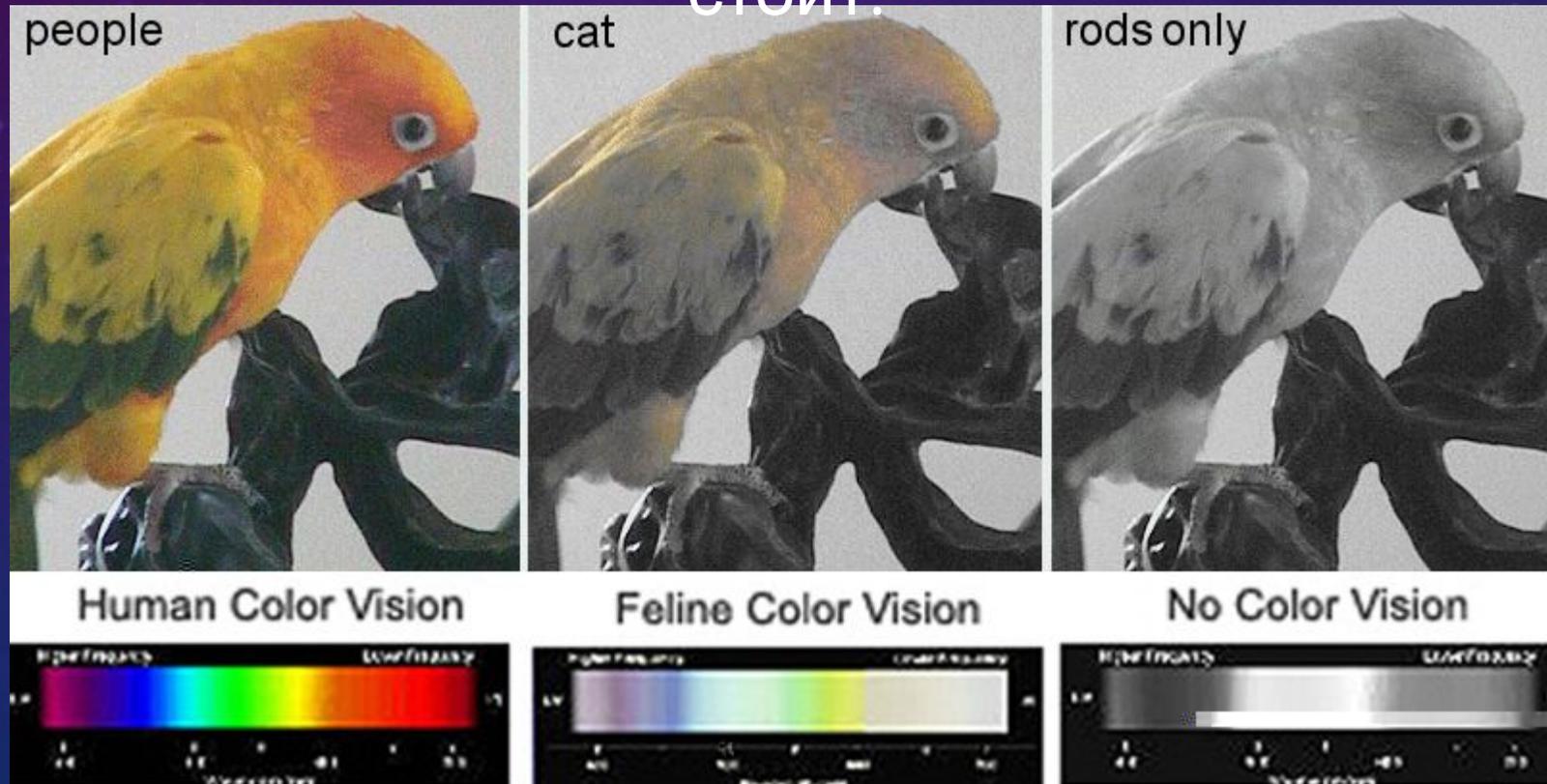
И это называется тремя вещами: имманентное (доступное опыту), трансцендентное (недоступное) и трансцендентальное (призма восприятия). На картинке последним будет сам магнит и магнитное поле как восприятие, имманентным будет всё то, что примагничено, а трансцендентным – то, что не магнитится вообще, а также

Чтобы разъяснить последнее, есть данная иллюстрация: слева вещь сама по себе, а справа – вещь для нас. Да, мы же своим восприятием как-то обозначаем вещи и даже их интерпретируем.

Вот это хотя бы просто про восприятие.
Объекты сами по себе одни и те же, какие
они «для себя», мы не знаем, зато вот:
разные изображения у человека и у
кошки. Про интерпретации и говорить не
СТОИТ.

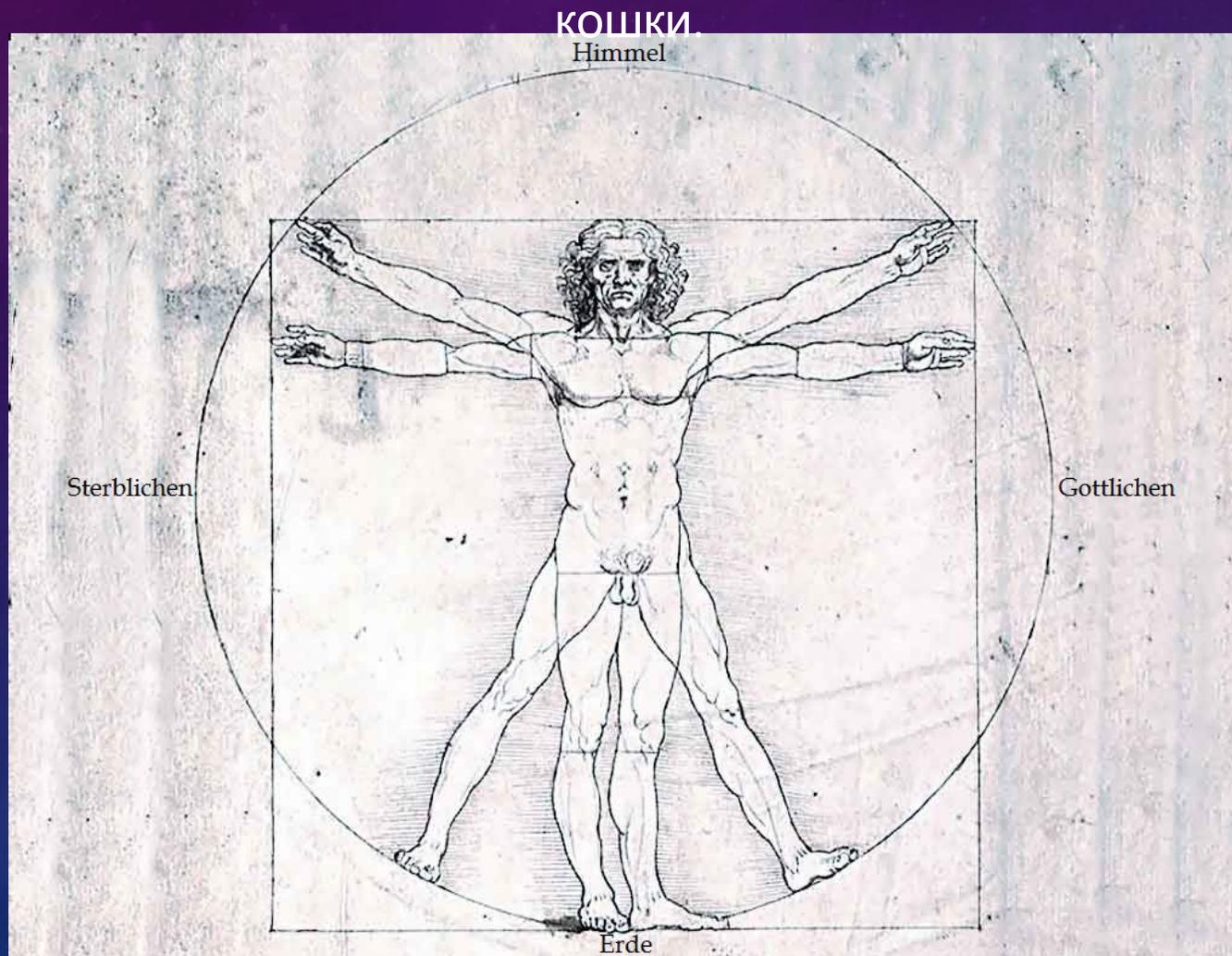

Или стоит. Хотя бы немного. Про самое такое
основное.

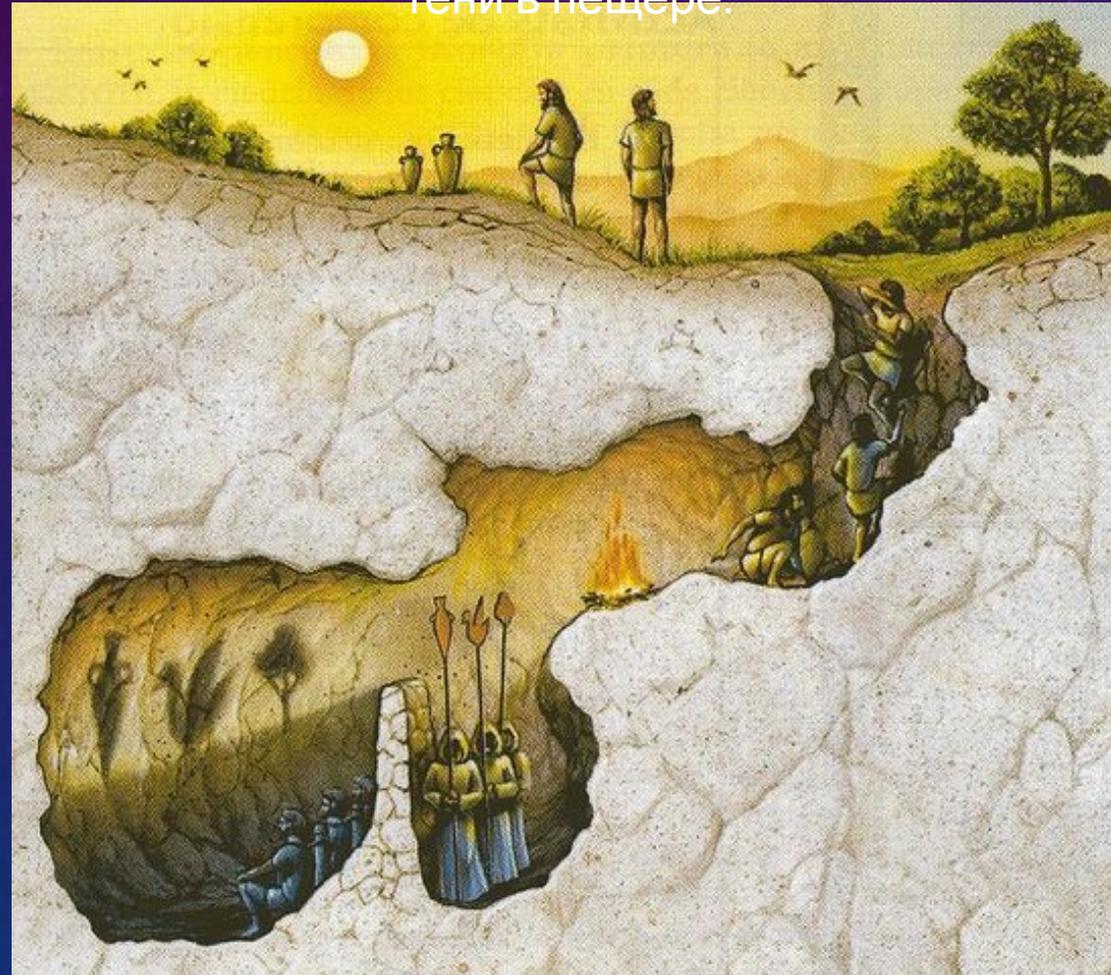

Это был Фрэнсис Бэкон. И он писал о четырёх призраках нашего познания, которые и создавали вариативность интерпретаций, как и определённые ошибки в частности.

Первым призраком является призрак рода: всё то, что присуще самой нашей природе и все искажения, определённым нашим обобщённым сознанием. Мы убедились в этом на примере

Но так как мы люди, а из всех таких вот разумных существ нам представлены вроде бы только мы, каких-нибудь там инопланетян и прочих ангелов, которых, может, и нет, не рассматриваем, этот призрак вариаций не создаёт. Искажения – да, пожалуйста. А вот вариации в видении мира начинаются с призрака пещеры, описанной ещё Платоном (или даже Сократом) – хотя у них было и про род одновременно. Если коротко, то это индивидуальные врождённые и приобретённые аспекты. Каждый по-своему смотрит на тени в пещере.

Дальше идут призраки рынка. Это, собственно, наш язык и его понятийное содержание, семантика наших слов. Семантика оформляется как своеобразный договор в денотациях (прямых толкованиях) и параллельно как внешняя к денотациям смысловая паутина абстрактных, ассоциативных значений. Плюс омонимы, полисемия, сленг, разные языковые среды – легко запутаться.

И наконец, призраки театра. Всё то, чему нас учили, что принято, что не принято, традиции, гласные и негласные правила, догмы. Ну, знаете, следовать тому, что было раньше, далеко не всегда разумно, особенно если это уже давно устарело. Но – привычка.

